Старина́ про Илью Муромца

Изда́леця-дале́ця, из циста поля,
Что из славной матушки да Золотой Орды,
Подымается собака злой неверной пан,
Злой неверной пан — молодой Салтан,
Молодой Салтан сын Салтановиць.
Собират он войско великоё,
Собират собраньё немалоё:
Собират сорок царей, сорок царевицей,
Собират сорок королей, королевицей.
Подо всякого царя он, царевиця,
Подо всякого короля, королевиця
Он даёт силы — по сорок тысяць.
Выходили оне на луги зелёные,
Выступали оне на травы шелковые —
Тут садился Салтан на сыру́ землю,
Он писал ерлык скорописцетой,
Отсылал ерлык да во Светую Русь.
Отсылал с послом со скорыим,
Он с седой бородой да с Большой Ордой.
Тут приходит по́сол скорый во Светую Русь,
Он заходит в палаты княжевецькие,
Он кладёт ерлык на дубовой стол.
Тут подходит князь Владимер стольнё-киевской,
Он берёт ерлык, роспецятыват;
Роспецятывал, скоро процитывал,
Процитал ерлык — запецялился.
Тут подходит кнегиня Опраксия:
«Уж ты ой еси, Владимер стольнё-киевской,
Уж ты што жо ек загорюнилсе?
Уж ты што жо ек запецялилсе?» —
«Уж ты ой еси, кнегиня Опраксия,
Ище как жо мне не горюниться,
Уж и как жо мне не печалитьсе?
Что изда́леця-дале́ця, из циста́ поля́,
Что из славной матушки Золотой Орды,

Подымаеться собака злой неверной пан,
Злой неверной пан — молодой Салтан,
Молодой Салтан сын Салтановиць.
Собират он войско великоё,
Собират собраньё немалоё:
Собират сорок царей, сорок царевицей,
Сбират сорок королей, королевицей.
Подо всякого царя он, царевиця,
Подо всякого короля он, королевиця
Он даёт силы — по сороку тысяцей». —
«Уж ты ой еси, Владимер стольнё-киевской!
Не горюйся ты, не пецялуйся,
Ты сходи-ко во Божью́ церковь,
Сослужи-ко ты больши цестны молебены;
Быват, вышнё-т Спас не оставит нас:
Богородиця — о нас пецельщиця».
Тут князь Владимер стольнё-киевской
Пошёл во Божью́ церковь,
Сослужил он там больши цестны молебены.
Из церкви-то идёт из Божией —
Тут навстрецю ему Илья Муромець,
Илья Муромець сын Ивановиць,
Он и стретилсе — сам отпетилсе,
Сам отпетилсе, низко кланелсе:
«Уж ты здраствуёшь, Владимер стольнё-киевской!» —
«Уж ты здраствуёшь, Илья, Илья Муромець,
Илья Муромець сын Ивановиць!» —
«Уж ты ой еси, Владимер стольнё-киевской!
Уж ты што жо ек загорюнилсе?
Уж ты што жо ек запецялилсе?» —
«Уж ты ой еси, Илья, Илья Муромець,
Илья Муромець сын Ивановиць!
Уж и как жо мне не горюниться,
Не горюниться, не пецялиться!
Как изда́леця-дале́ця, из цistá поля,
Што из славной матушки Золотой Орды,
Подымаеться собака злой неверной пан,
Злой неверной пан — молодой Салтан,
Молодой Салтан сын Салтановиць,

Собират он войско великоё,
Собират собраньё немалоё:
Собират сорок царей, сорок царевицей,
Сбират сорок королей, королевицей,
Подо всякого царя он, царевиця,
Подо всяка короля он, королевиця
Он даёт силы — по сорок тысець». —
«Уж ты ой еси, Владимер стольнё-киевской,
Не горюйсе ты, не пецялуйсе.
Вышнё-т Спас не оставит нас:
Богородиця — о нас пецельщиця.
Уж ты дай мне три русских бога́тыря:
Дай Олёшеньку Поповиця, и Добрынюшку Микитиця,
И Долгополова Залешана.
Поставь ты во цистоё полё бел шатёр,
Откати там сорок боцёк зелена вина,
Откати там сорок боцёк пива пьяного,
Откати там сорок боцёк мёду сладкого!»
Собирались-сокоплялись ко белу шатру
Все русские могуцие бога́тыри —
Ко белу шатру, к зелену вину,
К зелену вину, к пиву пьяному,
К пиву пьяному, к мёду сладкому,
Пили-жили всю ноцьку тёмную.
Наставаёт день светёл-радостен —
И выходит Илья Муромець на улицю:
Полотном земля-мати сгибаетьсе,
О́т пару-па́ру лошадиного
Померкнул в небеси светёл мисець.
Где-ка о́т духу-ду́ху целовецьёго
Померкло в небеси со(л)нцё красноё.
Илья Муромець зашёл во бел шатёр:
«Уж вы ой еси, братья-товаришши!
Вам полно спать, да пора ставать!
Я поеду дорожкой прямоезжею,
А поезжайте вы дорожками окольныма.
Как пробреньцит моя палица железная, —
Вы бейте-ломите всю силу неверную!»

Слышали, что Илья проговорил, а не слыхали, не видали, как он уехал. Ехал-ехал — прямо к
Салтанову дому.

Привезал коня ко столбышку дубовому,
Ко колецьку золоцёному.

Зашёл. Салтан ес‹т› сидит и спрашиват:

«Ес‹т›ь у вас на Руси Илейка Муромец?
Много ли он хлеба ес‹т›?» —
«Он хлеба ес‹т› по коврижке». —
«Много ли пива пьёт?» —
«Он пива пьёт по братыньке». —
(*Ека чашка с рожком*.)
«Много ли он мяса ес‹т›?» —
«Мяса ес‹т› по кусоцьку». —
«Я пива пью — по лагуну́,
Хлеба ем — по квашни́,
Мяса ем — по быку́!» —
«Я самой и есь Илья Муромець!»

Тут пошли оне на улицу силу мерить, схватились врукопашку — некоторой не могут друг
дружку победить. Илья-та Муромець ухватцив был. Ухватил булатной мець и срубил Салтану
буйну голову. Пал Салтан на сыру́ землю. Только земля-мати подрожéла. Илья Муромець скоцил
и уехал бить силу неверную.

Бились оне двенадцеть дней и двенадцеть ноцей —
Не пиваюци, не едаюци,
Добрым коням здоху не даваюци.
Собиралися-сокоплялися
Ко белу́ шатру, к зелену́ вину,
К зелену́ вину, к пиву пьяному,
К пиву пьяному, к мёду сладкому.
Пили-жили всю ноцьку тёмную.
Наставаёт день светёл-радостён —
Выходит Илья Муромець на улицю,
Смотрит по Каньскому побоишшу.

Едёт Салтанова мать на железной ступы,
Сама пестом приколациваёт,
Сама песту приговариваёт:
«Кабы была я на Каньском побоишше —
Не дала бы я Салтана в обидушку!
Кабы был етта Илейка Муромець —
Дак на одну долонь посадила,
А другой долонью тяпнула,
Стяпнула ёго бы в шаньгу кислую!» —
«Уж вы ой еси, братцы-товаришши!
Вам полно спать, да пора ставать:
Едёт Салтанова матушка...
Кого мне послать?
Послать мне Долгополого Залешана —
Он в долгих полах запутатсе.
Послать мне Добрынюшку Микитиця —
Он силой не силён, напу́ском смел».
Поехал Добрынюшка Микитиць-свет.
Она штаны ёму с жопы сдёрнула,
По жопы Добрыню хлопнула:
«Не хоцю с тобой дратьсе!
Пошли мне Илейку Муромьца!»
(*Илья Муромець поехал, сразу ей убил. Опеть*...)
Бились двенадцать дней, двенадцать ноцей —
Не пиваюци, не едаюци,
Добру коню здоху не даваюци.
Собиралисе-сокоплялисе
Ко белу́ шатру, к зелену́ вину́,
К зелену́ вину, к пиву пьяному.
К пиву пьяному, к мёду сладкому.
Пили-жили всю ноцьку тёмную,
Наставает день светёл-радостён —
Выходит Илья Муромець на улицю,
Смотрит по Каньскому побоишшу.
Едут два братця, два Суздальце.
Два Суздальця, два Ондреиця,
Говорят оне реци несбытошные:
«Кабы был в землю́ столбышок —
Дак всю землю повернули!

Кабы была на небо лестниця —
Дак всех бы святых пересекли!
Кабы были на Каньском побоище —
Дак не дали бы Салтана в обидушку!
Кабы был етта Илейка Муромець —
Дак его бы в грезь стоптали!»
Заходит Илья Муромець в бел шатёр:
«Ой еси, братцы-товаришши!
Хватит вам спать, пора ставать!
Едут два братца, два Суздальце,
Два Суздальце, два Ондреиця,
Говорят оне реци несбытошные.
Кого мне послать? Самому ехать надь!»
Слышали оне, как он реци говорил,
А не слыхали, как он поехал.
Билися двенадцеть дней и двенадцеть ноцей.
Где-ка палиця кати́т — тут и улицами,
А поворотитсе — дак переулками.
Билися ек двенадцеть дней и двенадцеть ноцей —
Не пиваюци, не едаюци,
Добру́ коню́ здоху не даваюци.
Собиралисе-сокоплялисе ко белу шатру
Все русские могуцие богатыри:
Ко белу шатру, к зелену вину,
К зелену вину, к пиву пьяному,
К пиву пьяному, к мёду сладкому.
Пили-жили всю ноцьку тёмную.
Наставаёт день светёл-радостён —
Выходит Илья Муромець на улицю,
Смотрит по Каньскому побоишшу,
Идёт молодой Сокольницёк,
Говорит он реци несбытошные:
«Кабы был я на Каньском побоишше —
Не дал бы я Салтана в обидушку!
Кабы был етта Илейка Муромець —
Дак его я бы в грезь стоптал!»
Тут заходит Илья Муромець в бел шатёр.
«Уж вы ой еси, братцы-товаришши,
Хватит вам спать, пора ставать:

Едёт молодой Сокольницёк,
Говорит он реци несбытошные:
„Кабы был я на Каньском побоишше —
Не дал бы Салтана в обидушку!
Кабы был здесь Илейка Муромець —
Дак его я бы в грезь втоптал!”»

Поехали все, и он с имá. Бились двенадцать дней, двенадцать ноцей.
Съехались конеми сперва,
потом врукопашку.

Нога права у Ильи подкосиласе,
Пал Илья на сыру землю —
Въехал молодой Сокольницёк на белýю грудь.
Вымат Сокольницёк булатной нож,
Хоцёт пороть латы княжевецькие,
Хоцет вымать ретиво серьцó.
Помолилсе тут Илья Муромець Миколе Угоднику.
С боку на бок Илья поворотилсе,
С плеця на плецё Илья пошевелилсе —
Въехал к молодому Сокольницьку на белýю грудь,
Хоцёт пороть латы княжевецкие,
Вымать ретиво серьцо.
Тут увидел Илья у ёго на грудé-то крест:
«Ты какой стороны, какой земли?
Ты какого отца-матери?»
Отвецяёт Илье Муромьцу Сокольницёк:
«Кабы я был на твоей белóй грудé —
Я не спрашивал бы отецества, не молодецества,
Порол бы твои латы кнежевецкие.
Вымал бы твоё ретиво серьцо!»

Он ему сказал: «Ты мне сын! Поезжай!» (*Ну*, *больше я и всё*.) А когда воротились оне, дак
Сокольник-от ишо забежал да копьём — Илью-ту. Копьё-то попало в крес‹т›. А домой-ту приехал
Сокольник, дак матере-то говорит: «Пошто ты отца мне не поведала?» И убил матерь-ту.

(Зап. З. И. Власовой 27 июля 1958 г.: д. Кельчем-гора Лешуконского р-на — от Шишовой Анны Васильевны, 68 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.